

Павел БЕССОНОВ

ПОВЕСТИ

16+

@ЭЛИТА

Павел Бессонов

Повести (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282245
Повести (сборник): Аэлига; Екатеринбург; 2015*

Аннотация

Главные герои сборника «Повести» – школьники, студенты, парни и девушки, проживающие в посёлках и районных городах. Они, по сути, ещё на пороге взрослой жизни. Разные по благополучию и статусу родителей, наивные максималисты и юные циники, самоуверенные и эмоциональные они нередко попадают в непростые жизненные ситуации. Мотивациями их поступков часто является влюблённость, самоутверждение как личности, ответные реакции на непонимание родителей и других взрослых людей.

Содержание

Берег и море	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Павел Бессонов

Повести (сборник)

Берег и море

Геннадия разбудила тишина в квартире. Не было слышно трескотни пишущей машинки, за которой его тётя Валя сидела обычно с раннего утра, молчало радио. Значит, тётя ушла на рынок, в субботний поход за продуктами, а такса Мила спит на своём коврикe у входной двери.

Отбросив одеяло, Геннадий быстро встал с постели и подошёл к окну. Градусник, прикреплённый снаружи к раме, показывал плюс два. Это на четвёртом этаже, а на земле лужи за ночь покрылись ледяной корочкой, и много опавших листьев каштана и ореха. Ещё зелёные, но как бы заржавленные по краям, они уже сдались под первыми ударами подступающей зимы.

Вытащив из-под кровати гантели, Геннадий, сделав два-три движения, иронически улыбнувшись, вновь положил их под кровать. Подошёл к узкому зеркалу в простенке между окнами. Зеркало отразило мускулистую фигуру, лицо, в котором преобладали прямые линии – тёмные прямые брови, почти сросшиеся на переносье, прямой разрез тонкогубого рта, прямой, ровно подрезанный снизу, нос.

Приблизив лицо к зеркалу, пальцами потрогал поочерёдно правый и левый висок. Да, первая седина уже пробилась. Скоро тридцатник, а там и до возраста Иисуса недалеко, а что сделано? Да по сути, ничего: ни семьи, ни любимой ра-

боты, ни своего жилья. Живёт у сестры отца, тёти Вали. Тётя Валя привлекательна, энергична. Несмотря на свои шестьдесят два, вегетарианской не признает, в рационе питания – сало, мясо, картошка... «От салата из одуванчиков сил мне не хватит для моих бегов». Под «бегами» она подразумевает свои чуть ли не ежедневные хождения по различным инстанциям.

Своих детей у тёти Вали не было, и всю любовь к погибшему мужу-капитану она перенесла на племянника Геннадия. И ещё, у неё непоколебимая любовь к людям моря. Эту любовь тётя Валя вкладывает в свою общественную, говоря казённым языком, деятельность. Валентина Николаевна – председатель комитета вдов погибших моряков торгового флота.

Хлопнула входная дверь, такса Мила радостно взвизгнула, щёлкнула дверца холодильника, слышался осторожный стук в дверь комнаты Геннадия и голос тёти Вали:

– Геннадий, – тётя Валя называет его всегда полным именем, без уменьшения до «Генчика», как зовёт его с детства мать, – подъем! На завтрак давно пора...

На кухне всё уже на столе – картошка, жаренная на сале в сочетании с салатом из помидоров. Любимая еда, не лезет в горло – не мудрено: вчера вечером совершенно спонтанно распил Геннадий пол-литра водки с Косым, которого во дворе зовут ещё по фамилии киноартиста, исполнителя роли придурков. В общем-то, Косой тоже придурок порядочный.

На газовой плите закипел чайник. Опустив в чашку с кипятком пакетик чая, Геннадий смотрел, как красно-коричневые струйки, причудливо извиваясь, растекаются в воде. Не накладывая сахара, выпил с жадностью почти половину кружки. Взяв со стола раскрытую книгу, прилёг на кровать. Пробежав глазами несколько строк и, не ощутив в себе желания читать дальше, захлопнул книгу – с утра, после вчерашнего, даже Конецкий, писатель, по-настоящему знающий морскую жизнь, его не волновал. Ещё чаю, что ли? Нет, надо встать, выйти на люди – солнце за окном напомнило, что день ранней осени подходит к середине. В своей комнате тётя Валя стучит на машинке.

Не заходя к ней, Геннадий вышел из квартиры, и дальше, через двор, на проспект Нахимова. Конечно, «адмирала Нахимова», но в приморском городе немногие об этом факте вспоминают.

Геннадий пошёл к центру города. Он шёл валкой походкой моряка и спортсмена, разглядывая встречных женщин, ловя их взгляды. Он знал, что нравится многим женщинам. От бабки по матери получил он порцию греческой крови, унаследовав смуглый цвет лица, твёрдые очертания носа и губ. Светло-карие, чуть выпуклые глаза Геннадия глядели с вызовом, взгляд скользил мимо взглядов встречных мужчин. Такой взгляд подчёркивал независимость характера, уверенность в себе парня, прошедшего огонь и воду. Рост у Геннадия был маловат, но его это не смущало. Короткая кожа-

ная куртка байкера, белая рубашка с полурасстёгнутым воротом и обтягивающие бедра джинсы определяли внешний вид. Тёмные густые волосы красиво подстрижены у «своего» мастера! Туфли... Но это особый разговор. Джентльмен начинается с обуви, и туфли Геннадия были модными, начищенными до солнечного сияния. Одно слово – моряк заграничного плавания.

От подземного перехода на перекрёстке двух проспектов Геннадий свернул в сторону Центрального рынка. Вот оно, самое кипучее место в городе. В узких проходах между киосками, набитыми всякой всячиной, толкуются обалделые провинциалы и скользят ловкие завсегдатаи, парни и девки. Покупать что-то Геннадий не собирался, но невольно замечал, как здесь, в его окраинном городе, многое стало похожим на базары портовых городов, где ему приходилось бывать. Та же дешёвка, за какую ломают цены, те же подделки, те же знакомые лица в толпе.

Геннадий направился в рыбные ряды. Здесь густо пахло рыбой, морем. Рыбой завалены узкие прилавки – туши судака, толстолобика, сазана. В корытах мелочь – тюлька, хамса. Кое-где «краснюк» – осётр, бестер. И свежие рыбыны, и балык. Это для покупателей с толстыми кошельками. Позади голосистых продавщиц, между рядами молча прохаживаются в неброской одежде, с бурыми от ветра и солнца лицами хозяева рыбы – браконьеры, пираты моря. Покуривают сигареты, из-под надбровий суженными глазами, привыкшими к

бликам на волне, оглядывают протекающую мимо прилавков толпу. Здесь же, рядом, мостятся бабки, продающие на кучки, на десятки, мелкого бычка или карасиков-недомерок – суточный улов их мужей-пенсионеров.

Школьных друзей Геннадия жизнь разбросала. Кто работает на местных заводах, кто подался в ближнее зарубежье, где пока можно заработать намного приличнее, чем в родной державе. Многие обзавелись семьями, обросли детьми и сидят по выходным дома у телевизоров или во дворе, «забывая козла». Кого мог встретить Геннадий на рынке в такой день, так это Аркадия. Тот всегда в одном месте и месяц, и год тому назад. Захотелось повидать.

Крайний ряд рыбных прилавков занимают аквариумисты. Их стало заметно меньше, чем в школьные годы Геннадия, приходившего сюда с матерью. Остались профессионалы, вроде Аркадия.

Высокого роста, сутуловатый, узкоплечий, в сильных очках, Аркадий – Кюхля по-школьному – виден издалека. Он выглядит вполне солидно перед своим товаром, разместившимся в большом трёхсекционном аквариуме. Геннадий идёт, не спеша, вслед за покупателями и просто желающими полюбоваться на рыбок. Какое разнообразие цвета и формы у этих малых существ, снующих между зеленою водорослей! В воде аквариумов из опущенных в них виниловых трубок почками бегут жемчужные пузырьки воздуха от ручных компрессоров – резиновых груш и раздутых волей-

больных камер. Покупатели рыбок всё те же, что и раньше – бабушки и мамы с пацанами. Девчонок аквариумы и рыбки почему-то мало интересуют. Мальчишка лет пяти тянет за руку солидную женщину, видимо, бабушку, к аквариуму Аркадия. Пообещала, наверное, купить внуку рыбок, и тот от неё уже не отстанет. Она то и дело наклоняется к внуку, который ей что-то шепчет. Бабушка обречённо кивает головой. Геннадий приостановился, чтобы запечатлеть в памяти процесс торга. Аркадий, стоящий вроде бы непринуждённо за прилавком, зорко следит за покупателями. Заметив, что бабушка приблизила лицо к «экрану», малому плоскому аквариуму, своего рода визитной карточке товара, он сразу отреагировал:

– Вы что-нибудь выбрали, дама?

– Мне... вот эту красненькую...

– Эта рыба породы меченосец. Держать в аквариуме желательно в паре, самочку и самца. – Аркадий была сама предупредительность. – Мальчик, ты хочешь, чтобы у тебя в аквариуме появились маленькие рыбки?

– Хочу... – мальчик явно стесняется.

– Сейчас мы рыбок в баночку, а дома их в аквариум или в большую банку. И водорослей надо туда. Вот такие подойдут.

Аркадий быстро выловил большую пузатую самку. Юркий самец не сразу попал в сачок, а потом в баночку. Аркадий, не умолкая, говорил, объяснял, давал советы по уходу.

Бабушка понимающе кивала головой, а малец был весь поглощён созерцанием рыбок в баночке, ставших его собственностью.

– Ну вот, вручил старушке путёвку в люди... – Пользуясь тем, что у его прилавка нет покупателей, Аркадий расслабился.

– Какой старушке? – не понял Геннадий.

– Это я о самочке-меченосихе. Она уже в престарелом возрасте и перестала нереститься. Долго не протянет.

– Всучил товар с гнильцой? – усмехнулся Геннадий.

– Но-но! У меня фирма солидная. Поживёт самочка с месяц, а то и больше. Это ведь такие покупатели, что загубят запросто любую рыбку.

Аркадий глянул на часы и начал собираться. Аквариум и все приспособления аккуратно уложил в большой чемодан, сделанный на заказ и с умом. Перекинув через плечо ремень чемодана и, критически оглядев Геннадия сквозь выпуклые по-жабы стекла очков, спросил:

– Ну как, плаваешь? Говорят, ваше пароходство развалилось.

– Плавает дерьмо, Кюхля, а развалилось не всё. Ходим под другими флагами, а платят всё равно зелёными.

– А я, как ты знаешь, на сухом берегу, но зелень тоже перепадает.

– Ты по-прежнему в институте лаборантом, или как там? Может, уже доцент?

– Я завлаб, а это покруче доцента.

– Заливай! Знаю я, как оно круче, – прищурившись, Геннадий иронически оглядел унылую длинную фигуру Аркадия, ещё более ссутуленную под тяжестью чемодана. – Курсовики прошлогодние студентам продаёшь, не правда?

– Это коммерческая тайна, Пестик. Не буду разглашать, хоть ты и свой парень. Бывай!

Геннадий опять заметил, какая влажная и холодная ладонь у Аркадия. Пестик! Вспомнил Кюхля, как звали Геннадия за малый рост.

– Бывай, Кюхля!

– Слышал, что ты, Генка, успел и жениться и развестись. С «легиона» девку брал? Зря. Заходи к нам в институт, с такими красотками познакомлю... И при нехилых родичах к тому же.

Геннадия резануло «легион», но он смолчал, не стал возражать что-либо Аркадию, любителю подколоть. Мог бы и ему напомнить, на ком тот и из-за чего женился. Не стал напоминать, но настроение подпортилось. Поглядев на узкую сутулую спину уходящего Аркадия, Геннадий вышел из пустеющего рынка и не спеша пошёл к остановке.

Здесь народ толпится, жмётся к бордюру, ожидая троллейбус. Все с мешками, ведрами, сумками. Дешёвый городской электротранспорт ходит с большими интервалами... А эта не толпится. В чёрном кожаном пальто до пят. Стоит в стороне, в положении контрапост. Левое выпяченное бед-

ро туго обтянуто тонкой мягкой кожей одежды. Ждёт, но не общественный транспорт. Проститутка валютная или чья-то законная жена. Не всё ли равно, в розницу или оптом куплена. Ну, взял её бизнесмен за шмотки, за еду в ресторанах, за баксы.

А древнейшую профессию изгнать из обращения невозможно. Узаконить её надо, легализировать, налог подходящий взимать. И до нашей эры это было. Гетеры, гейши. А теперь, когда вместо так называемого социализма наступает время капитализма и расслаивается большое стадо, тем более эта профессия потребна. Торговля всем и вся позволена. А тело – товар.

Геннадий стоит в трёх шагах, во все глаза нагло пялясь на женщину в кожаном пальто. Заметила, конечно, но и ухом не повела. Знает себе цену. Как она выставила бедро! И почему это его волнует? Мясо и мясо. Англичане так и говорят: «Пис ов флеш». Филейная часть... «Жигуль» подтормозил и тут же дал газ. Некогда или «бабкок» нет. Ничего... У него «бабки» будут. У этой густой боевой раскрас лица. А у Карины кожа лица нежная, свой румянец, чуть подправленный макияжем. На это тоже клюнул, когда в жены её брал. И секс она знала, только прикидывалась, делала вид, что моряк-муж её развращает. У, тварь! Бросить надо было сразу, как узнал. Не смог... И сейчас помнит всю. Гладкость кожи и её запах. Запахи скрытого от глаз. А эта всё стоит, только теперь другое её бедро выперлось округло... Может, подойти? Нет, не

надо.

* * *

Сегодня идти на работу, знакомиться с местом и коллективом. Настроения никакого. Понедельник, туман, а надо идти. Будущая работа на крышах Виктора не радует: высота – не его стихия. Если бы не мать, каждый божий день его пилившая: «работать, работать, работать...» ещё бы с месяц, пока погода стояла такая хорошая, спал бы вволю или затемно уходил на рыбалку, на море.

Виктор жил в старой части города, там, где дома – одноэтажные, кирпичные или из камня, а то и просто мазанки – сбегаят по кривым улочкам вниз или лезут вверх. Дворы тут застроены сарайчиками, клетушками какими-то. В глубине двора сортир на два отделения, посередине – водоколонка с непросыхающим ручейком воды, текущим прямо на улицу. Улицы здесь мощены камнем, все в выбоинах, тротуарчики узкие, перекрытые ветвями деревьев. Всё здесь не менялось десятилетиями и знакомо Виктору с детства. А вот центр города власти украшают, да ещё на окраинах, где были поля кукурузы и подсолнечника, уже стоят унылые блочные многоэтажки. Но главная примета времени – это воздвигаемые над морем обнесённые кирпичными двухметровыми заборами особняки-крепости новой знати.

От дома до места работы недалеко, три-четыре квартала.

Адрес – на бумажке, какую, уходя, Виктор «вычислил» по дыму от разогреваемого битума. Впрочем, дымок был слабенький, печь еле чадила. На крыше виднелось подъёмное устройство, поворотная консоль с блоком. Бытовка, вагончик на газоновских колёсах, стояла, приткнувшись к трансформаторной будке. От трансформаторной будки к вагончику тянулся электрокабель. Никого ни во дворе, ни на крыше не видно, хотя на часах Виктора уже десять. Дверь вагончика закрыта.

Виктор поднял воротник куртки и глубоко засунул руки в карманы. Туман, равномерно заполнявший надземное пространство, опустившись вниз, уплотнился и уже вполне осязаемыми каплями садился на всё вокруг. Виктор уже хотел развернуться и уйти со двора, когда дверь вагончика распахнулась настежь, звонко ударив ручкой о стенку, и на пороге возникла фигура парня в робе-брезентовке, заляпанной чёрными пятнами битума. Парень весело выругался в адрес кого-то внутри вагончика. Глянув мельком на Виктора, рывком натянул на голову подшлемник. Потом с насмешливым удивлением вновь глянул на Виктора:

– Это к нам, что ли, пополнение?

– К вам, – Виктор не удержался от улыбки. Парень ему как-то сразу понравился. Невысокого роста, ладный даже в мешковатой робе, весёлый.

– Заходи тогда, гостем будешь, бутылка есть – хозяином будешь...

Виктор торопливо полез по лестничке, оступился. Парень поддержал. Рука у парня небольшая, цепкая, с синим якорьком наколки.

– Держись, салага! – Парень сказал это необходимо. Глянув на парня вблизи, Виктор заметил, что тот не так уж молод, скорее наоборот.

С порога на Виктора пахнуло табачным дымом, запахом спиртного и вонью лежалой одежды. Вокруг низкого стола на грубо сколоченных скамейках сидело трое мужчин в разномастной рабочей одежде. От стоящего в стороне «козла», самодельного электрообогревателя, несло жаром.

– Садись, – повелительно бросил мужчина, сидевший справа от входа и, продолжая, видимо, начатую тему, подытожил:

– В общем, братва, работы сегодня не будет. Можно распустить пояса. Дед наверняка не придёт. Так что, Жека, смотайся к бабке, она нам ещё одну бутылку должна.

– Не даст, – отозвался тот, кого звали Жека.

– Как так, не даст? Обещала же. Да мы тогда у ней в ванной плитку по-новой сдерём...

– Не даст, – убеждённо сказал Жека и даже помотал головой, на которой красовалась зимняя шапка. Лицо Жеки, широкоскулое, с узкими глазами, спрятанными под мощными надбровьями, осталось при этом невозмутимым. – Скажет, вы со своей верхотуры свалитесь, а я буду в ответе...

– Так мы же не полезем на крышу при такой мокве. Иди,

уломай бабулю. Она на ласковое слово отзовётся...

Виктор сел на скамью напротив мужика, командовавшего Жекой. Здоровый дядя! Буркалы навывают. А ручищи!..

– Куришь? – спросил молодой парень в ватнике на широких плечах, щелчком выбивая сигарету из пачки.

– Н-нет, – почему-то застенялся Виктор, в душе проклиная свою дурацкую застенчивость. Парень уставился на Виктора маленькими круглыми глазками, приоткрыв губастый рот.

– Он зато, наверное, пьёт лихо.

Парень, встретивший его у дверей вагончика, плюхнулся на лавку и, наклонившись, вытащил из-под стола трёхлитровую бутылку, на донышке которой плескалось совсем немного мутной жижи. Он вылил эту жижу в захватанный пальцами стакан и подал Виктору. – Давай, друг.

«Не пью я!» – хотел сказать Виктор, но ему опять стало вроде бы стыдно, и он, промолчав, взял стакан.

– Ну, и чего задумался? Приобщайся к коллективу. Наш коллектив передовой, почти комсомольский. Один дед Рябовол картину портит, но его сегодня не будет. Николай Иванович за него, а он уже тебе команду дал.

– У нас работа вредная, – поучительно добавил здоровяк, – с химией связанная. И высотная. Нам спецжиры положены, а их не выдают. Вот вместо них принимаем абрикосовую. Сейчас Жека принесёт её от бабули, она это пойло классно готовит.

Дверь вагончика широко распахнулась, пропуская Жеку. Он торжественно, на вытянутых руках, внёс трёхлитровую бутыл, полную мутно-жёлтой жидкости – того классного пойла, какое готовит бабуля: абрикосовой бражки.

Рабочий день на участке продолжался. Геннадий присматривался к новенькому. Длинный, угловатый, постоянно щурящийся из-за явной близорукости. Что-то в нём было беззащитное, бесхитростное. Об остальных членах звена Геннадий уже составил мнение за не очень большой срок совместной работы. Ну, Рябовол, звеньевой. О нём разговор особый, но, в общем, человек уважаемый. Николай Иванович поработал чуть ли не на всех великих стройках. После пятисот граммов начинает вспоминать «Мамслюду» и «Усть-Илим». Жека – скрытный мужик. Работал грузчиком на продуктовой базе и крупно проворовался. До тюрьмы дело не дошло, но в торговлю ему обратный путь заказан. Пахом, от фамилии Пахомов, молодой и тупой, как сибирский валенок, парняга. Его в армию не взяли из-за дебилизма. С первой же рюмки еле ворочает языком, гыкает да мыкает... А новичок пока ему не совсем ясен, хоть прост с виду.

– Пойдём, покурим, – предложил Геннадий Виктору, когда ему надоело сидеть в прокуренном вагончике за выпивкой. – Если не куришь, подышишь воздушкой.

Парень этот, Виктор, видимо не пил спиртного никогда, если пил, то не такими дозами. Его водило из стороны в сто-

рону, но он старался держаться прямо.

– В армии служил? – Геннадий закурил сигарету.

– Дембельнулся. Месяц тому.

– В каких войсках?

– В батальоне обслуживания аэродрома, стрелком, – подбирая слова, парень осоловело глядел на Геннадия светло-серыми глазами. – Самолёты охранял, склады. В общем – через день на ремень...

– Ясно, – выпустив струйку дыма, Геннадий помолчал. Парень тоже молчал. Стоял, держась за хилый ствол дерева, выросшего возле трансформаторной будки.

– А как к нам попал?

– Мать... в конторе работает. Уборщицей... а раньше художницей.

– Вон оно что! К нам спецы идут, летуны, вроде меня, – Геннадий улыбнулся. – Я тоже сюда залетел ненадолго, птица морская...

– Морская? – парень оживился.

– Да, морская. До весны – и опять в плавание. Вот так...

– Повидал страны, да? Интересно...

– Повидал, повидал... – Геннадий поскущел, притушил сигарету. – Ладно, как-нибудь об этом в другой раз. Пойдём в компанию, а то обидятся и всю бражку вылакают.

Парню, видно, не очень хотелось идти опять на пьянку. Стоял, покачиваясь. Тряхнув головой, полез по лестничке в бытовку. Туман перешёл в мелкий морозящий дождь, и это

окончательно решило дело. Бражку допили, выпили и две бутылки «Альминской долины», плодово-ягодного вина или «червивки» по-народному, и поодиночке стали расходиться. Геннадий, поддерживая Виктора под руку, – того бросало из стороны в сторону, – повёл к остановке троллейбуса. Жека, надвинув на глаза фуражку вместо снятой рабочей шапки, бочком-бочком побрёл куда-то в глубину двора, заранее присмотрев место, где можно перекантоваться до утра. Пахом поплёлся к трамвайной остановке, ему ехать в заводской район. Вагончик остался закрывать Николай Иванович, выпивший больше всех и по виду совершенно трезвый.

* * *

Василий Артемьевич Рябовол встал как обычно – около пяти утра, – глянул на будильник, какой никогда не заводил на бой, зашёл в соседнюю комнату – на женскую половину, как говорил в шутку. Жена, дочь и внучка спали. Поправив одеяло на раскинувшейся во сне Анечке, вышел во двор.

Сырой туман был плотен, хоть бери на ошупь. Солнце чуть подсвечивало восточный край неба. Из будки вылез Лохмач, старый пёс грязно-белого окраса с чёрными пятнами. Лентяй и хитрован, он никогда не лаял, и только в полнолуния иногда жалобно подвывал. К хозяину он подполз на брюхе, повизгивая от подобоострастия.

– Здоров будь! – потрепал его по холке Василий Артемье-

вич, в то время как Лохмач норовил лизнуть ему руку. Совершив обряд встречи хозяина, Лохмач деловито обследовал закоулки двора, кое-где оставляя метки, и лёг возле будки.

Под навесом слышался мягкий топот и похрустывание: кролики давно проснулись – а может, и не спали вовсе.

– Обжоры! – похвалил их Василий Артемьевич.

«Сегодня опять работы не будет», – огорчённо подумал он, взглянув на небо, и решил прямо из дома, не заходя на участок, поехать в контору. За него на участке Николай, он дело знает и зря на мокрую крышу не полезет. Но вот заработок упадёт, опять кое-кто подаст на расчёт. Новые и новые люди, а работа непростая, опасная. Теперь вот пришёл парень художницы, Виктор...

– Деда, деда, а что это так? – Анечка в ночной рубашке и материных туфлях уже выбежала во двор и обводит вокруг себя руками, не зная как назвать первый раз в жизни увиденное.

– Туман это.

– А что – туман?

– Ну, как пар из чайника.

– Пар? А где чайник?

– Иди в хату, Анечка, простудишься...

– Я не простужусь! Я большая!

Вот так же говорила и Саша, когда по утрам в одной рубашонке выбегала во двор, а Михайловна, тогда ещё живая и бодрая тёща Василия, раньше всех встававшая в этом ста-

ром, задолго до войны слепленном из кирпича и глины доме на краю теперь засыпанной и застроенной балки, поднимала её на руки и уносила в тепло. Тогда яблоня в углу двора была тонюсеньким дичком, а Лена, его Лена, была молодой и гибкой. Баба Лена...

Держа Анечку на руках, Василий Артемьевич вошёл в комнату, осторожно спустил девочку на пол и, подтолкнув под мягкое место ладонью, послал:

– Иди к бабе Лене...

Да, раз такая погода, надо идти в контору к прорабу, к плановикам, в бухгалтерию. В конторе этой работает он давно, и давно уже на крышах. Привык к такой работе, вроде бы и полюбил. Хотя за что её любить? В пыли, в грязи, на ветру. Может, потому, что здесь, на крышах, на высоте, легче дышится, есть ощущение простора? Это его последний год работы, потом пенсия. Но на одну пенсию не проживёшь, придётся где-то прирабатывать. Жена болеет, у дочки зарплата мизерная, зятьёк беспутный смылся, ни слуху от него, ни духу.

– Вася, иди поешь, – и слова и голос привычны. Жена, его Лена.

– Иду, иду... – ворчливо отзывается он, прикрывая напускной грубоватостью чувство нежности к Лене, не проходящее с тех пор, когда он, после долгих скитаний и многих женщин, встретил её и прилепился, присох.

Лена как лет пять уже заболела, перестала работать, а по-

том внучку стала доглядывать. Перешла спать тогда в комнату дочери, отделилась от Василия. Объяснила как всегда мягко: «Вася, так я тебе мешать не буду, ворочаюсь я, встаю часто. Буду лучше там, с девочками». Иногда с вечера оставалась с ним ненадолго, лежала рядом, как в молодости, и он, засыпая, не слышал, как уходила.

Виктору первый рабочий понедельник запомнился, как дурной сон. Сладковатая, дуращая голову бражка, потом «червивка» или как её называют, «Долина смерти»... Бесвязные разговоры. Вспомнил, как рвался из вагончика по малой нужде, а Геннадий удержал, подвёл к углу вагончика, где было отверстие в полу:

– Давай, лей сюда...

И до дома Геннадий довёз... Это помнилось, а что дальше – нет.

* * *

Во вторник, к своему удивлению, Виктор проснулся рано и, что называется, чувствовал себя «как огурчик». Конечно, вчера он заснул очень рано, выспался. Обычно-то он перед сном что-нибудь читал или в комнате матери смотрел телевизор, а тут свалился засветло...

Мать сказала «доброе утро» и больше ни слова. Понятно, виноват. Влился в коллектив до выпадения памяти...

Окна в доме выходят на запад, да ещё затенены деревьями, в комнате полутьма. Прихватив со стола пакет с едой, приготовленный матерью, вышел во двор, глубоко вдохнул свежий прохладный воздух, кроме запаха увядающей листвы привычно пахнувший пряностями близкой кондитерской фабрики. Глянул на часы. Ого! Надо спешить... Широким шагом, обгоняя так же спешащих на работу, понёсся к трамвайной остановке. В закрывающиеся двери втиснулся последним, подперев снизу девушку в светлом плащике с короткой растрёпанной причёской. Двери трамвая поползли поперёк спины и трамвай тронулся. Стоя на нижней ступеньке, Виктор по-прежнему удерживал на себе девушку, не достающую рукой до поручня.

На ближайшей остановке из вагона вывалилось несколько человек, но девушка осталась и передвинулась вглубь вагона, уцепившись за боковой поручень. Теперь она стояла лицом к Виктору, и он мог её разглядеть. Светлая кожа лица с лёгким румянцем, голубоватые глаза с чётким ободком, чёлочка надо лбом чуть кудрявится. Нос прямой, с чуть вздёрнутым кончиком. Девушка дышит приоткрытым ртом, ещё не отошла от бега к остановке, наверное. Виктор, обычно державшийся в вагоне транспорта, набитого до отказа, «инертным телом», теперь, оберегая девушку, напрягался, изо всех сил упираясь в поручень. Одновременно и мозги напрягал: что-то сказать подходящее по случаю, чтобы обратить внимание девушки. Трамвай, качавшийся на ходу, как пьяный,

резко затормозил, и девушка, навалившись на Виктора, чуть слышно сказала: «Извините!» Но и этот благоприятный для знакомства момент Виктор упустил, а девушка уже выходила из вагона. В последнее мгновение она улыбнулась, на щеках возникли ямочки, и толпа вынесла её куда-то. Виктор из-за своего роста – голова выше окна в вагоне – и близорукости, сразу потерял её из вида. Только негромкое «До свидания!» донеслось до него. Как он потом бежал дворами к работе, Виктор не смог бы вспомнить даже на допросе, но зато запомнилась она, эта девушка со светлым лицом, улыбкой с ямочками на щеках и ничего не значащей фразой: «До свидания!..»

– Вот он, Василий Артёмьевич, явился – не запылится... – Рядом с Геннадием стоял худощавый, среднего роста старик в простецкой синтетической куртке на пуговицах, давно, впрочем, знакомый Виктору, Василий Артемьевич Рябовол, звеньевой, главный начальник в этой команде.

– На работу надо приходиться вовремя, – ворчливо, но не резко изрёк звеньевой. Он, конечно, узнал Виктора, но вида не подал.

– Василь Артёмыч, вы не сердитесь на парня, исправится. Если что, на поруки возьмём... – дурачился явно Геннадий. Да, Геннадий умеет разрядить обстановку, и вот уже Рябовол криво улыбается своей изуродованной щекой.

– Витек, идём со мной, – Геннадий кладёт руку на плечо Виктора. – Я тебе курточку подобрал, а пиджачок сними.

Штаны дома найдутся поплотнее? Поищи, пригодятся...

В вагончике Николай Иванович и Жека, уже переодетые в рабочее, без злобы, нехотя, переругиваются между собой, на Виктора не обращают внимание. Даже на его «здравствуйте» Жека вообще не отвечает, а Николай Иванович бурчит что-то среднее между «привет» и «пошёл ты...» и продолжает рыться в сумке с инструментом.

— Это они после вчерашнего ещё не отошли. На крыше, на ветерке, будут в порядке. Вот, бери обнову...

Ну и куртка! Колом стоит от налипших лепёшек битума. И шапка-чулок, завязанный узлом на макушке.

— Теперь ты хорош! — отстранившись, Геннадий словно любителю на Виктора в куртке, рукава которой явно коротки для рук. — Брюки потом сменишь, и ботинки найди себе типа «ГД», чтобы на ногу не заплеснуло горячим. Понял?

Ещё бы не понять. На крыше ветерок куда заметнее, чем во дворе, так и продувает, зато и вид замечательный, к югу серо-синим массивом море. Оно в дымке, с едва различимой линией горизонта. Направо — коробки многоэтажек, слева и сзади — зелень садов старого города, дымящие трубы заводов. И крыши, крыши... Виктора с детства тянуло посмотреть с крыши на город, но всегда пугала высота. Боится высоты и до сих пор, но матери ничего не сказал, когда его на работу устраивала. А сейчас перед ним море крыш. Вспомнились стихи из какого-то старого журнала, случайно попавшего на глаза:

... Геометрия крыш – бесконечные гребни и скаты,
А подальше взглянуть – словно ход океанских валов,
Допотопные спины глухих бастионов тридцатых,
Триумфальная готика пятидесятих годов...

Всё правильно, разве что про плоские или чуть покатые крыши хрущёвок ничего не сказано.

– Хорошо! – вырывается у Виктора. Этот вид города сверху, солнечное начало дня и девушка с её светлой улыбкой, и ощущение самого себя в этом прекрасном мире – то счастье, каким ему сразу хочется поделиться с Геннадием.

Геннадий тоже смотрит на крыши, на море, на восклицание Виктора не реагирует. Глаза Геннадия чуть прищурены, словно он хочет рассмотреть там только ему известное.

– А я сегодня такую девушку в трамвае встретил! – восторженно, с нажимом на «такую», говорит Виктор. – Такую? Ну? – Геннадий не оборачивается к Виктору, только желваки на скулах у него появились и пропали. «С чего бы это?» – недоумевает Виктор.

– Ладно, Витек, начнём работать. О девушках потом, если охота будет, поговорим, – и, обернувшись, Геннадий смотрит куда-то мимо Виктора.

– Да если бы ты её увидел... – начинает Виктор, но уже Рябовол машет рукой, надо идти. И день словно сразу тускнеет, ветер становится пронзительней. Началось – таскать ведра с горячим битумом от подъёмника, переливать в бачок – би-

тум брызжет на ботинки, на брюки, в перерыве убирать напавшие листья, разгонять воду, собравшуюся в углублениях, подавать рулоны рубероида и опять таскать ведра с жидким горячим расплавом. Рябовол, прихрамывая, снуёт по крыше, всё видит, ко всему подключается, Николай Иванович без видимого усилия снимает с крюка подъёмника полные ведра, внизу Жека и Пахом, подменяя друг друга, наливают ведра, бегом подносят к подъёмнику. Тяжеловато, конечно, но темп работы увлекает Виктора, он уже не обращает внимания на заляпанные туфли и брюки в брызгах битума. Ясно, что ни на прогулку, ни на танцы в такой одежде не пойдёшь. Впрочем, Виктор так и не научился танцевать как следует. Так, потоптаться, конечно, может. А если эта девушка любит танцы? Правда, он пока не знает даже, как её зовут. Да и вообще ничего о ней не знает...

* * *

Василию Рябоволу было лет шесть, когда на пустыре, в заросшей травой яме, может быть ещё воронке от бомбы, нашли мину. Заржавленная снаружи, с погнутыми хвостовыми крылышками, она казалась совсем мирной, но когда Колька Штыменко на правах старшего – ему тогда было лет десять – начал стучать по ней, мина рванула. Кольке оторвало руку и пробило грудь, и он умер на месте, а Василию осколок раздробил голень правой ноги. Другой осколок, поменьше,

располосывал щеку. От смерти спас Василия камень, за каким Колька возился с этой страшной игрушкой. Кость ноги срослась, сделав ногу короче и вывернутой внутрь, а шрам на щеке стянул кожу и приподнял угол рта, словно Васька Рябовол чему-то ухмылялся. В общем, отделался Васька легко, а многих ребят в те годы поубивало разбросанными где попало боеприпасами всех видов. А теперь Василию Рябоволу вот-вот шестьдесят, из них сорок с лишком на работе. И как бы ни была трудна работа, самым тяжким было для Василия, когда не мог он работать из-за болезни. Не часто, но простужался, грипповал, а голова побаливала постоянно, от контузии взрывом в детстве. Иногда боль как фон, и к тому Василий привык, а иногда – хоть плачь. Тогда – пару-другую глотков домашнего вина. Легчает. А может, только кажется. Нет, наверное, легчает, сосуды, говорят, расширяются. Поэтому бутылочку с собой на работу берёт. Знает об этом бригада, конечно, а что делать...

– Геннадий, я в контору. Николаю передай, и сам посматривай.

– Василь Артёмыч, всё будет в ажуре. Иди, делай свои дела руководящие...

Смеётся в глаза, стервец, а что ему скажешь? Этот Геннадий – птица перелётная, да ещё и морская, как он сам себя называет. Из моряков. Чем-то проштрафился, пережидает время. С семьёй у него что-то не заладилось. На работу часто приходит прямо с гулек. По бабам шастает, факт. Он,

Василий, и сам по молодости этому занятию немало сил и времени отдал. Да-а... А как женился на Лене, как отрезал. Ша! Хотя один случай был. Был, как говорится, грех. На своей работе, на стройке, Лена подорвалась, Василий тогда ещё не старый был, жалел её и маялся.

– Сходи, Вася, к друзьям, проветришь. Не сиди тут, как в воду опущенный. Пивка попей. Сашку с собой не бери, – Лена улыбалась, глядя на отчего-то смутившегося Василия. В одну из суббот он так и сделал. Прошёлся по центру, остановился у новой пивной, разглядывая яркую рекламу и этикетки на бутылках. Оглянувшись, увидел Людку, ту самую Людку, с какой в давние времена познакомился на танцплощадке в парке. Тогда крутая «шестимесячная» завивка светлых от перекиси волос, серые глаза навывкат и презрительная улыбка полных ярких губ сразили Василия, что называется, наповал. В зажигательном танце «Рио-Рита» высокая грудь Людки ритмично толкала Василия, и это решило дело. Людку не смутила рваная щека Василия, и она не отказалась от стакана «Волжского» в рюмочной. Людка жила у тётки в коммуналке, Василий – в общежитии, но была благодатная южная осень; на склонах, спускающихся к морю, по балкам, заросшим кустарником, имелось много уютных уголков. У них был свой, куда его Людка привела в первый же вечер. Ложбинка, с трёх сторон окружённая плотным кустарником. Что ещё надо!

Встречался Василий с Людкой по выходным, в рабочие

дни Людка предложила не встречаться, потому что, как пояснила, допоздна работала в какой-то столовой посудницей. Да и Василий, намахавшись на стройке, предпочитал рано завалиться спать. «А не жениться ли мне на ней?» – думал иногда Василий после очередной «кустотерапии». Людку он находил красивой, но ещё больше был в восторге от того, как она стонала и дрожала в его объятиях. «Были у неё, конечно, парни до меня, это факт, ну и что? И я не святой...»

– Смотри, Васька, как бы тебя лупоглазая Людка не «наградила».

Семён, крупный спокойный парень, с каким Василий делил комнату в общежитии, сказал это, когда прошло недели две с тех пор, как Василий познакомился с Людкой.

– Чего это? – возмутился Василий.

– А того. У неё таких, как ты, хватает.

«Врёшь!» – хотел крикнуть Василий, но Семён смотрел на него спокойно, не злорадствуя.

– Ты, Вася, приди к концу танцев в среду, например. Сам увидишь.

И в среду Василий увидел: Людку, по-хозяйски облапив, уводил с площадки «сундук», старшина-сверхсрочник. И шли они туда, в тот куток... Захотелось застать их врасплох, дать по роже коренастому ухажёру, а Людку...

Людку он потом изредка встречал в городе, а на танцы ходить перестал. Людка при встрече смотрела на него, нагло улыбаясь, презрительно кривя губы. Он кивал ей с без-

различным видом. Были потом у Василия другие женщины. Одних помнил, о других забывал после какой-нибудь пьянки и объятий в чужой постели, в чужой хате. Какая-то «наградила» его, и Василий лечился по рецептам друзей, к врачам не ходил, боясь огласки – на работе был в передовиках, портрет висел на Доске почёта, комсомолец. От того, наверное, не было детей у тех женщин, с которыми жил Василий по полгода и более. Надоедало – забирал нехитрые пожитки, уходил. Так было, пока не встретил Лену.

Василий встречал Лену на работе. В спецовке, повязанная тусклой косынкой, она не бросалась в глаза внешне. Она не «стреляла» глазами, не хохотала заливисто, напоказ, как делали многие молодые бабёнки на стройке. Василий даже цвет её глаз не замечал. Но как-то в воскресенье, когда в безделье шлялся от одной пивной «точки» до другой, он встретил Лену. В лёгком платъице, с короной золотистых волос, в аккуратных туфельках она шла ему навстречу, ведя за руку маленькую девочку, такую же золотоволосую. Василий остановился против них на тротуаре, и Лена остановилась тоже. Видно, у него был такой дурацкий вид, что Лена улыбнулась, глядя на него голубыми глазами. Не зная, с чего начать разговор, Василий присел перед девочкой с такими же голубыми, как у Лены, глазами и спросил, как её зовут.

– Саша. – Девочка безбоязненно смотрела на него, и вдруг протянув руку, дотронулась до шрама на щеке:

– У дяди вава?

Василию словно обожгло сердце. Поднял он тогда Сашу на руки, прижал к груди, как родную. И стала она на самом деле родной. И Лена тоже...

Людка стояла одна против пивной. Василий замер от неожиданности, и Людка подошла к нему сама.

– Не узнаешь, что ли, дружок? – Улыбка у Людки была прежней, презрительной и взгляд свысока. – А я, вишь, признала.

– Ну, узнал, узнал...

– Узнал, так поздоровайся, – со смешком в голосе тянула Людка.

– Ну, здравствуй.

Людка критически оглядела Василия, скривила подушечки губ в улыбку:

– Сиветь ты начал, а не лысеешь. Корень, видать, крепкий.

– Крепкий корень... пока, – Василий поддался игре, какую затеяла женщина, когда-то ему близкая. – Ты тоже как молодая, по моде...

На Людке была чуть прикрывавшая колени юбка, ажурные в разводах колготки, розовая кофточка с буфами на плечах.

– Молодая, холостая... Чего мне!

Двумя руками Людка поправила причёску, отчего грудь её горделиво поднялась. Грудь всё та же, а фигура заметно погрузнела. И руки – никуда не денешься! – говорили о возрасте. А лицо, полное, лоснящееся от крема, размалёванное

макияжем, могло бы сойти за молодое, если бы не складочки у глаз и намечавшийся второй подбородок.

– Ну, а ты как, Вася? Опять по пивным ходишь. Женился ведь, вроде...

– Женился, а на сегодня холостой. – Встреча неожиданно взволновала Василия. – Могу и проводить, если недалеко.

– Ко мне далековато, так ведь трамваи ходят...

* * *

Однокомнатная квартира Людки аккуратно прибрана. Ковёр на стене, палас на полу, шкаф со стекляшками, этажерка с проигрывателем. Кровать отделена шторой, рядом с креслом, в котором утонул Василий, низкий журнальный столик.

– Сейчас я тебя чаем напою.

Людка вышла на кухню и вскоре появилась оттуда уже переодетая в цветастый махровый халат, с бутылкой. Василий попытался разобраться с иностранными надписями на этикетке, но Людка со смешком объяснила сама:

– Коньяк три свёколки. Нашенский.

Она протиснулась между столиком и этажеркой, обдав Василия запахом крепких духов и пота, включила проигрыватель.

– Ретро. Помнишь танцплощадку?

Поставив низкий пуфик, села против Василия. Круглые коленки Людки выставились из распахнувшегося халата как орудийные стволы.

– Ну, Василь, давай за встречу. Наливай, ты же мужчина! Или уже нет?

Василий смолчал, звякнув о край Людкиной рюмки, выпил. Людка тоже лихо опрокинула.

– Ох, как в голову вдарило! Пойдём, потанцуем, что ли...

Она сразу же положила руки на плечи Василия и прижалась к нему грудью.

Потоптались под музыку на пяточке между кроватью, столиком и креслом.

– Давай ещё по одной? – отпустив Василия, налила по полной.

Василий плюхнулся в кресло, слушал поток Людкиных воспоминаний о двух её мужьях, о её работе на молокозаводе. Наконец сумел вставить фразу:

– А у тебя хата ничего, неплохая.

– Ты думаешь, как эта хата мне досталась? Директору я приглянулась, вот и хата.

– У вас там все так получают? – Василий усмехнулся.

– А ты думал, как? – прищурилась Людка. – Да не пусти я его в постель, и посейчас у тётки, царство ей небесное, пятый угол занимала бы. А директор уже коньки отбросил. Баб сильно любил. И водочку... Ну, ладно об этом, пойдём ещё потанцуем.

Она потянула Василия из кресла, прижала к себе. «Вот дьявол-баба, – хмелел Василии, – знает, что делает».

Он круто развернул Людку и сел с ней на кровать.

– Ловко у тебя, Вася, получается. Но в постели одетым нехорошо, правда?

– Раздеться, что ли? – Василий не отпускал Людку.

– Отпусти. Раздевайся. Я сейчас. – Она поднялась и вышла в ванную.

«Где наше не пропадало!» Ни о чём больше не вспоминая, Василий непослушными руками стал расстёгивать пуговицы на рубахе.

– Отвернись! – услышал за спиной Людкин голос. Краем глаза заметил, как раздетая догола Людка юркнула под одеяло...

... К Людке Василий больше не приезжал. От той встречи осталось у него чувство вины перед Леной. Она же тогда то ли не обратила внимания, что Василий за полночь приплёлся домой пьяный, то ли сделала вид, что не заметила, но ни разу ему о том случае не напомнила. А он вычеркнул Людку из воспоминаний.

По дороге домой Геннадий вспомнил прошедший день. День обычный, ничем вроде не примечательный. Только Василий Артемьевич часто уходил, прикладываясь к бутылочке, да молодой, Виктор, как под кайфом, таскал вёдра бегом с улыбкой до ушей. Потом сообщил новость: встречался со

своей красавицей, зовут её Вера, учится в техникуме, живёт в общежитии. И что собирается пригласить её в кино. Дурной пацан... Погодка отличная, словно вновь вернулось лето. В куртке жарковато, но к вечеру похолодает, будет в самый раз, и Геннадий одет по-осеннему.

Зайдя в телефонную будку, он достал блокнотик, порядком истрёпанный и замызганный, спутник его морских и сухопутных приключений. Кое-что из записей в нем устарело, надо вычеркнуть и позабыть. Парни-фарцовщики, девки... Вместе с именами всплывают лица с какой-нибудь пьянкой, похабщиной. Вот, например, Валентина, хотя как звать её по-настоящему, неизвестно. Диспетчер какой-то мастерской, кажется, по холодильникам. Познакомился, попав с компанией на сабантуй по какому-то поводу. Запомнилась какая-то ненашенская, тонкая миниатюрная фигура у взрослой женщины, личико небольшое, угловатое, под копною светлых волос, если крашенных, то классно. Шея длинная, змеиная. Лет тридцать или тридцать пять. Когда уходил, вышла проводить в коридор. Приобнял – поддалась. Неосязаемая, лёгкая. Говорит замедленно, врасстяжку. Номер телефона домашнего назвала – запомнил, выйдя, записал в блокнотик. Вот он, номер телефона и номер квартиры. Сорок восемь. Дом помнит – на углу площади, старой постройки. На нем ещё эмблема наклеплена, переплетение серпов, молотов и снопов пшеницы – дань архитектурной моде того времени.

После четвёртого или пятого сигнала зуммера тот растя-

нутый, словно ленивый, голос:

– О, Гена! Хорошо, что позвонил, маюсь в одиночестве...

– Может, зайти? Я рядом, – Геннадий глянул на часы, было ещё время до закрытия ближайшего гастронома. – У меня с собой пустьчок на двести пятьдесят граммов, годится?

– Гена, ты друг настоящий. Заходи. Алёнка у бабки ночует. Скука...

В винном отделе три мужика и одна женщина. Увидев Геннадия, женщина несмело улыбнулась, небольшие глазки почти спрятались в жирных веках. Дворняжка. Вспомнил: из расчётного отдела конторы. А зубки белые и ровные.

– Здравсьте, – и она, кажется, покраснела. – Вы тоже сюда? Что посоветуете недорогое, денег лишних нет, а получше чтобы...

– Вон, фирма «Артемида». Пока марку держит. – Геннадий в упор рассматривал женщину. Плотненькая, чистая, домашняя. Кажется, замужем, при нём жаловалась в конторе, что муж пьёт, а сама, значит, выпивку ему покупает...

– Подруга ко мне зашла, вот и решили малость погулять...

Геннадий приобрёл четвертинку той же фирмы и вышел вслед за женщиной. Вспомнил, что зовут её Раиса Ивановна.

– Значит, с подругой?

– Ну да. Такая же холостая, как я теперь. Я своего Валерия выгнала, а она ещё раньше со своим разошлась.

– А что так? – между прочим, без интереса, спросил Геннадий.

– Мой-то пил. Напьётся, придёт пьяный, упадёт как колода. Что есть мужик, что нет. А у Лидки так пьяный гонял её по хате, ревность проявлял. А вы как, тоже разведённый?

– Да вроде того...

Говорить на эту тему Геннадий не собирался.

– Небось, на свиданку идёшь? – уже «на ты» спросила женщина.

– К дружку, – почему-то соврал Геннадий. – Деловой разговор без бутылки не бывает.

– А то заходи к нам, закуски на троих хватит.

– В другой раз, не сегодня...

Кивнув на прощанье женщине, Геннадий не спеша пошёл, помахивая завёрнутой в пакет четвертинкой. Чего торопиться-то? Подождёт. Эта худая, с длинной шеей и потасканным личиком девочки женщина наверняка рассматривает себя в зеркало, поправляет косметику, роется в холодильнике, подыскивая подходящую закуску, да и ещё чёрт знает что делает, потому что заранее планирует, как пройдёт встреча. Да и Геннадий тоже знает всё, что будет, потому что такие встречи до тошноты похожи одна на другую. И водку он взял только для того, чтобы самому – и женщине, к которой идёт, отодвинуть все прошлые встречи в темень сознания, а оставить одно бессознательное, живущее в человеке с пещерных времён желание.

«Вообще-то с этим лопоухим интересно!» Почти не слушая Виктора, Вера улыбается. Она знает, что, когда улыбается, у неё на щеках появляются ямочки, и зубы у неё, как у женщин в рекламе пасты, белые и ровные. «Начитанный он, этот лопоухий длинный парень. Но уж очень несмелый...» Она снизу вверх заглядывает Виктору в глаза и видит, как он краснеет от волнения. В маленьком скверике на площадке, вокруг которой делает кольцо троллейбус, она сидит с ним уже минут тридцать. Вчера она случайно встретила с ним на улице, а тогда в трамвае она ехала от подруги, у которой заночевала, задержавшись допоздна. Два случая подряд, может это судьба? А лопоухий говорит и говорит, словно боится, что она скажет: «Ну, мне пора...» Вовремя он подвернулся ей, этот Виктор, как раз, когда дала одна отставку Жорику. Наглый до предела этот Жорик, так и норовит принародно руку запустить в лифчик. Вообще-то смазливый пацан, ну а толку? Живёт на Слободке в хате-развалюхе с матерью и отчимом-алкашом. Трепаться может только о выпивке и сексе. Нет, этот интереснее...

– Ты в кино ходила? – доходит до Веры вопрос Виктора.

– В кино? У нас в общежитии телек цветной, хоть сутки целые смотри кино.

– Да нет, я про новое кино, комик французский в главной

роли, пойдём завтра? Я уже посмотрел. Обхохотался! Прикол за приколом...

– Завтра? Завтра можно. На какой сеанс?

– Давай на девятнадцать, раньше не могу, мать просила кое-что по дому сделать.

– Девятнадцать? – Вера морщит лобик, изображая раздумье. – А не поздно? Ведь темно будет.

– Так я провожу. Да и вообще, я тут свой...

– Ну ладно. Только мне пора идти...

– Вер, ну посидим ещё...

– Завтра в кино насидимся. Всё. Не провожай. Я ещё к подружке зайду, а тебе надо к маме... – Вера насмешливо смотрит на Виктора и тот опять густо краснеет. – Я шучу, извини...

Перекинув ремешок сумки на плечо, Вера быстро уходит, но всё же, обернувшись, взмахивает рукой:

– Пока!

* * *

Виктор остаётся сидеть на скамейке, улыбаясь своим мыслям, а Вера, перейдя на медленный шаг, идёт по центру города, следя за своей походкой и разглядывая наряды встречаемых женщин. Вот это платье ей бы подошло, а не той доске нестроганой. Богатенькая!.. А эта, мини-мини одела, а ножки-то кривенькие. Дурочка... Маленькие серёжки в ушах

взрослой женщины сверкнули камешком. Это золото, не бижутерия с рынка. И у неё такое будет, только не надо торопиться.

Зайдя в свою комнату в общежитии, Вера бросает сумку и плащ на койку:

– Завтра иду в кино...

– С кем, с лопухим, что ли? Или ещё кого присмотрела? – Галина, как всегда, что-то вяжет. Это её хобби и заработок. На столе перед ней журналы мод по вязанию, красоты в свитерах, платьях и кофтах всех цветов и рисунков.

– С лопухим. Да он ничего парень. Вчера дружка его видела. Модный. Невысокий только. Ты же знаешь, что моя страсть – высокие парни.

– Ну уж! А тот, что с тобой в парке был? Вроде не очень высокий.

– Бритоголовый, что ли? Отшила я его. Блатота мелкая, а под крутого выставляется. Нет, это всё не то. И лопухий тоже, но время с ним провести можно. С ним не опасно, боится дотронуться, хоть сама его за трусы бери...

Вера хохочет, вертится перед зеркалом. Довольна собой. Галина смотрит на неё долгим взглядом. Это всё она проходила и прошла, не приобретя ничего стоящего.

– Доиграешься...

– Та-а... Ничего не будет. – Вера поправляет завитой локон надо лбом. – И вообще, сидеть, ждать принца на белом «мерсе»? Это в кино бывает, а пока брать надо, что под ру-

кой... — и она опять смеётся.

* * *

Непонятный пацан этот Виктор. Вот он, Геннадий, после службы на флоте совсем другим был. Ну, хотя бы по отношению к девушкам, мартышкам бесхвостым. Неужели Виктор не в курсе, что в восьмом классе к концу каникул целку не найдёшь? А он слюни распускает перед этой Веркой, от которой за сто шагов несёт дезодорантом. И ещё эта его блажь поехать на какую-то стройку. Нет таких строек. Туда она поехала за туманом и за запахом тайги, а оттуда привезла полугодовалого парня. Виктор паспорт показывал, где местом рождения указан посёлок Улькан. Наверное, теперь там только пустые домики без стёкол, они от мороза полопались. Вот он тоже отмороженный от маминого воспитания. Со своей любовью носится, того гляди с крыши свалится.

Прошедший день был в хлопотах переезда к новому месту работы, перетаскивали и устанавливали оборудование, тянули кабель для подачи электроэнергии. Пришлось подольше поработать, и пока Геннадий съездил, чтобы переодеться, время перешагнуло за цифру шесть. Отстояв небольшую очередь в кассе кинотеатра, Геннадий взял два билета. Фурия за окошечком кассы проскрипела, чтобы никто не занимал очередь, билетов уже нет. Зачем два купил? А так, может какая-нибудь одинокая красотка подойдёт. Он пофлани-

ровал перед фасадом кинотеатра, пожалуй, самого старого в городе, с гордым названием «Победа», пересмотрел все плакаты на рекламных щитах и уже собирался уйти внутрь, чёрт с ним, с пропавшим вторым билетом, когда увидел спешащих Виктора и его подружку. Они почти бежали, держась за руки, как детсадовцы. Ну что ж, два билета он им не даст, а один пожалуйста, даже подарит. Пусть сами решат, кто пойдёт, а кто подождёт. Пойдёт, наверное, девчонка, тем более что Виктор этот фильм уже посмотрел и взахлёб ему рассказывал, через слово вставляя «понял» и «класс, да?»

– Здравствуйте – пропела Вера, явно строя глазки. – Вы в кино? Говорят, билетов нет?

– У меня два. Один могу предложить. Кто пойдёт?

– Вер, может, завтра пойдём? – Виктор умоляюще приложил руку к сердцу.

– Чего это завтра? На завтра я занята. Ты ведь был на этом фильме? Теперь я посмотрю...

– Вер... А я... как?

– Подходи к концу сеанса, а пока погрейся где-нибудь, – Вера засмеялась, стреляя глазами по Геннадию.

– Ну ладно, я подойду к выходу, – помрачнел Виктор.

– Тут их два, не ошибись. – И Вера опять залилась хохотом.

Геннадий молча смотрел на них, всё более убеждаясь в том, что Виктор втюрился, а эта мартышка как хочет, так и вертит им.

Шла французская кинокомедия с Жаном Ришаром в главной роли. Зал то и дело гремел хохотом. Геннадий искоса глянул на подружку Виктора – она не переставала улыбаться, показывая белые зубки. Он перевёл взгляд на обтянутые колготками бедра и не спеша положил руку на ближайшее к нему. Бедро дёрнулось и замерло. Геннадий так же не спеша погладил бедро вверх до короткой юбочки, вниз – до колена. Верка руку его не отвела. Он отвёл руку сам и досмотрел фильм, смеясь вместе со всеми, свободно отваясь в кресле. Зажегся свет. Захлопали сидения. Геннадий шёл позади Верки, оглядывая её ладную фигурку в светлом плащике. В толпе на выходе, наклонившись к светлым лохмам её причёски, вполголоса сказал:

– Смоемся от Витьки?

Верка повернула к нему лицо, заулыбалась:

– Давай!

Виктора и впрямь у выхода не оказалось, и они, выбравшись из потока людей, пошли в противоположную от остановки сторону, свернули на поперечную улицу, повернули ещё раз.

Геннадий шёл молча, приобнимая Верку, и она послушно прижималась к нему. «Эх, Витек! Ты ещё надеешься на ответное чувство этой обезьяны. Пацан ты глупый, не присмотр-

релся к этим мартышкам, влипнешь сразу. Ну ладно, проверю её по полному профилю».

Они шли уже по улице, где с Виктором не встретятся, и Верка, осмелев, спросила:

– Гена, вы моряком были?

– Я и сейчас моряк, на суше временно.

Шли уже не спеша и Геннадий «заливал» всю о флотской службе, о морях-океанах, шмотках из загранки, о бонах и «зелёных» долларах. Вера только успевала переспрашивать да вставлять «Ну!», «Вот класс!».

– Далеко до твоей хаты? – переменял тему Геннадий.

– До общежития? Нет, полквартала.

Геннадий вёл Верку дворами мимо пятиэтажек. Приметив подъезд, густо обросший кустарником, предложил:

– Зайдём. Поболтаем не на ветру...

И хотя никакого ветра не было. Верка зашла в подъезд. На первом этаже свет не горел. Он пробивался слабо откуда-то сверху, и они остановились в тёмном закутке лицом к лицу. Плащик Верки был расстегнут, и Геннадий, обхватив Верку левой рукой, прижал к себе. Не вырываясь, только чуть откинувшись, она молча улыбалась. Геннадий прижался губами к её полураскрытым губам, правой рукой подняв короткую юбку, скользнул за колготками по тёплому Веркиному животу и ниже. Верка несильно дёрнулась, у неё вырвался то ли вздох, то ли стон и Геннадий явственно услышал частое постукивание её зубов. Готова. Поплыла. Он отпустил

Верку, и она осталась стоять с закрытыми глазами несколько секунд неподвижно, потом молча стала застёгивать плащик, поправлять волосы.

– Давай, иди домой. – Геннадий посторонился, пропуская Верку мимо себя, и она пошла так же молча. Поглядев ей вслед, Геннадий вышел из подъезда и пошёл в другую сторону. Всё ясно с этой мартышкой.

Жена. Была у Геннадия жена. Была и любовь, как у Витки. Вернее, слепая влюблённость. На это и ловят парней вот такие мартышки. Тогда намекали ему ребята, что за птица Карина, не верил. Не хотел верить. Глаза застилала умело подкрашенная мордашка, остренькие грудки. Потом узнал точно, что Карина из «легиона», из девочек, вертевшихся в интерклубе и «работавших» только с моряками загрансудов, болгарами, греками. И опять не мог отрезать сразу. Повинилась девочка, ну было один-два раза, осознала, люблю только тебя, жить не могу без тебя, ещё немного прибарахлимся, заведём ребёнка. Ты ведь хочешь сына? Или дочку? После каждого рейса доходили слухи, отмахивался: ну, ходит на танцы с подругами, ну, кто-то провожал. Не сидеть же ей дома... А как выперли с флота, сама дала поворот от ворот и с глаз у него пелена розовая спала...

Ехать к себе в «берлогу», к тётке, далеко, а квартира, где после ухода отца жила одна мать, совсем рядом. Там его, Геннадия, комната. По версии матери, отец бросил их из-за козней буфетчицы: окрутила отца, сразу дочку ему родила.

Отец – капитан дальнего плавания. Буфетчица лет на двадцать моложе него, с ним в рейсы ходила. Геннадий отлично знал теперь роль буфетчицы на корабле, но знал и то, что далеко не все капитаны на них женятся, бросая семьи. У матери – он рано начал догадываться – всегда была своя, скрытая жизнь, свои друзья из управления пароходства, где она работала. Не в буфетнице дело. Нет, не в буфетнице дело, свою надо голову иметь. Вот как у него случилось в последней рейсе.

Команда была в основном старая, а он новичок. Буфетчица тоже давно ходила с этим экипажем. Кого обслуживает буфетчица в рейсе, известно на флоте каждому – капитана и доктора. Капитан здесь дохаживал срок до пенсии, врач был моложе. Капитан невысокого роста, брюхастый, о таких говорят – видит своё хозяйство только в зеркале. Врач длинный, в блеклых веснушках очкарик, с пушком на голове вместо причёски. Буфетчица сразу на Геннадия глаз положила.

Команда, конечно, заметила, но всем было всё равно, «кусок» шефа – табу. Если электрик осмелится, ему же хуже. А буфетчица баба под тридцать, смазливая – только дай! Геннадий делал вид, что ему непонятно, чего она хочет, но когда перешли экватор и посвежело, она прижала его в подсобке. Не успел глазом моргнуть, как она молнию на джинсах расстегнула. Когда без берега уже два месяца, а тебе всего-то двадцать семь. Всё само собой. Тут чёрт угораздил, чтобы бледный очкарик заглянул в подсобку. Заглянул и сра-

зу дверь прикрыл. Настрой, конечно, у Геннадия упал. Капитану док, наверное, не скажет, а пакость сделает. Так и вышло. На очередной медкомиссии глазник, ушник, терапевт – всё в норме. Пока не дошёл до невропатолога, дружка очкарика. Такое заключение написал, что Геннадий и в землекопы не годится, хоть сразу в дурдом.

Доказать обратное не докажешь, у них круговая порука. Поэтому зиму эту ему в РСУ прозябать, по крышам лазать. Весной он пойдёт в базовую поликлинику, заплатит сколько запросят – и опять в море... В рейс, в рейс. Забыть эти крыши, забыть Карину... Карина. Как будто о нём с Кариной написал стихи судовой врач Ян Вассерман:

... На мостике стойте, шутите с командой бодренько,
Но помня в прогулке от бака до самой кормы,
Что каждый моряк для жены – заместитель любовника
По части валюты, по части жратвы и «фирмы»...

Обидные строчки, но недаром включил их в свою книгу писатель моряк Виктор Конецкий. Они – сама жизнь...

Вот и знакомый с детства подъезд, дверь, обитая коричневым, под кожу, красивым материалом. На звонок открыла мать, даже не спросив, кто звонит, «Не одна», – сразу решил Геннадий. Ну конечно, парадное платье, запах вина и духов.

- Генчик, сынуля! – протянула руки для объятий.
- Мать, я пьян и спать хочу, – отстраняясь, Геннадий шагнул в коридор. Из большой комнаты неслась музыка, на ве-

шалке мужской плащ, на полу фасонистые туфли. Морячок. «Генчик, кушать хочешь?»

Подождав, когда мать закрыла за собой дверь в большую комнату, прошёл в ванную, тщательно вымыл руки, умылся. Найдя в стаканчике свою зубную щётку, почистил зубы. Спать не хотелось. В голове вертелось что-то про глупую Верку, про Витьку и Карину. Разделся и лёг в постель. Музыка за стеной звучала глухо. Закрыв глаза, стал про себя считать... Девятьсот пятьдесят семь, девятьсот пятьдесят восемь...

Часы показывали без четверти семь, за окном светло. Дверь в большую комнату плотно прикрыта.

Когда-то, – как это было давно! – он утром, не стучась, врывался туда, забирался на широкий диван-кровать, зарывался в мягкое, пахнущее духами белье, носом, губами, щеками прилипал к маминой руке, пахнущей кроме духов ещё чем-то необъяснимо вкусным и притягательным. Если было ещё рано, мгновенно засыпал, и просыпался только тогда, когда чувствовал мамино дыхание над собой, слышал её голос.

Геннадий только покосился на дверь и прошёл в кухню, отметив, что плаща и фасонистых туфель в коридоре нет. На кухне завал грязных тарелок в раковине, рюмки и бокалы на столе, крошки торта... Это всё ему знакомо, но сегодня почему-то перла в глаза, говорило грубо и внятно.

– Генчик, проснулся? – В полупрозрачном халатике, мать,

худенькая, как девочка, скользнула на кухню.

– Голодный?

– Нет. – Сказал тяжело и тут же подумав: «Зачем так?» добавил, смягчив голос: – Нет, мама.

Она засновала по кухне, вполголоса говоря что-то вроде. сейчас я уберу... это случайно... извини...

Чтобы не слушать, вернулся в свою комнату, с полки, на которой стояли любимые им когда-то книжки и безделушки, привозимые отцом из рейсов, взял и раскрыл Дюма «Три мушкетёра».

«Читая письмо, д'Артаньян чувствовал, как его сердце то расширялось, то сжималось от сладостной дрожи, которая и терзает и нежит сердца влюблённых...» Влюблённых... Ха! Нет, теперь его этими сказками не купишь. Это для мушкетёра, которому было всего семнадцать.

Когда Вера вошла, осторожно прикрыв за собой дверь комнаты, Галина не спала, лёжа читала «Анжелику». Глянув на Веру, перекосила губы в улыбке:

– Это Виктор так тебя обжимал?

– А что? – Вера обтянула плащик.

– Колготы у тебя что-то спали.

– Это так. Меня не Витька провожал, а дружок его. Моряк... в отставке.

Галина уткнулась в книгу, продолжая улыбаться. Она побывала замужем. Муженёк «сел» на три года за буйство с

ментами, и она иногда задерживалась тоже допоздна.

– Знаю я моряков, – оторвавшись вновь от книги и глядя на раздевавшуюся Веру, сказала Галина, – с одним любовью крутила. Слава Богу, без последствий.

– Каких последствий? – Вера уже сняла колготки и стояла у своей кровати в одной ночнушке.

– Таких. С какими на трипдачу бегают.

Вера подойдя к зеркалу в простенке между окнами, разглядывала своё лицо.

– А этот морячок ничего. Наглый, правда. – Она засмеялась своему. – Он опять на флот собирается вернуться.

– Думаешь, глаз на тебя положил?

– А что? – Она взбила локон надо лбом.

– Холостой?

– Сказал, одинокий.

– А Виктор?

– Телёнок он. Пусть до бычка подрастёт. Только я к тому времени состарюсь, – она засмеялась. – Гаси свет, Галка. Спать охота.

* * *

Виктор потолкался в толпе у кинотеатра, близоруко щурясь. Выискивал светлый плащик и куртку байкера в блестящих заклёпках.

Вернулся на остановку. Мимо шли пары группы людей,

они смеялись, вспоминая эпизоды фильма. Ни Веры, ни Геннадия.

Просмотрел их из-за своей близорукости. Геннадий, наверное, сам по себе ушёл, Вера одна домой убежала. Жаль, не удалось её проводить. Хорошо, что сказал ей новый адрес работы, а она обещала прийти, посмотреть, что мы делаем. Жаль, что разминулся...

Он не спеша дошёл до общежития Веры, отыскал взглядом два окна комнаты, где она жила. Одно окно светилось тусклым светом, наверное, от настольной лампы. Ему так хотелось пойти туда, к ней. Но живёт Вера не одна, а с женщиной постарше. Да туда же не пройдёшь, на вахте такие церберы в юбках. Да и спать, наверное, легла Вера.

Постояв минут пять под окнами, Виктор не спеша пошёл домой. Мать, наверное, уже спит, а её сожитель, сторож-ночник, ушёл на дежурство. Сожитель, дядя Веня, как его зовёт Виктор, днём после смены отсыпается, а проснувшись, если Виктор дома, предлагает сыграть в шахматы. Игрок он неплохой, давая Виктору одну-две фигуры форы, почти всегда ставит мат. Он не пьёт спиртного, а вот мать, особенно в последнее время, нередко прикладывается к бутылке. Напившись, она начинает вспоминать Север, куда ездила на этюды ещё студенткой художественного училища, потом трассу БАМа, где тоже художничала и работала в столовой. Из её картин осталось довольно большое полотно: берег моря, слева крутые мрачные скалы, прямо – каменистый пляж

и фигура женщины, вглядывающаяся из-под руки в бурные валы. Женщина в свитере, ветер облепил на ней юбку и отнёс вбок волосы. Что она ищет в этом пустынном просторе? «Это ты, мама?» – спрашивал Виктор, когда был поменьше, глядя на картину «Нет. Это моя мечта, а не я», – отвечала мать и грустно улыбалась. А с БАМа она привезла не картины, а его, порядком искусанного мошкой. Виктор тоже поехал бы на БАМ, если бы там вновь началась работа или ещё куда-нибудь на стройку. Теперь, встретив Веру, он думал по-другому. Поехал бы вместе с Верой куда угодно. Здорово было бы стоять в коридоре купейного вагона, смотреть на пробегающий пейзаж и на то, как ветер, врываясь в окно, треплет светлые волосы Веры. Завтра Вера придёт к нему, она обещала, и он пригласит её в кафе. А с утра поговорит с Геннадием, узнает, какое впечатление Вера произвела на него. Не бесчувственный же он, и красоту её заметил наверняка. А она красивая!

* * *

Пятиэтажка, на которой начали работать, была из переоборудованных, с двускатной крышей, покрытой, однако, не шифером, а как и прочие, рубероидом.

Тут работать надо было со страховочными поясами и стропами. Дом стоял в глубине двора, и его окружали деревья, уже почти лишённые листьев, а вот кусты сирени, под-

ступающие к нему вплотную, ещё не потеряли листвы и тянулись почти до третьего этажа. Близость плотной зелёной массы придавала Виктору, побаивающемуся высоты, уверенность. Зацепившись крюком страховки за конёк, Виктор у самого края крыши срывал с досчатой обрешётки истлевшие куски рубероида и сбрасывал их вниз. Сквозь стволы деревьев просматривалась небольшая часть улицы и тротуар противоположной стороны. Геннадий работал метрах в десяти от Виктора, которому не терпелось спросить о Вере. Остановившись отдохнуть, Геннадий сам начал разговор:

– Витек, где это ты нас встречал вчера после кино? Мы так тебя и не увидали.

– Меня часы подвели, прибежал, когда народ уже валил во всю с обоих выходов. А вы где были?

– Мы тоже посмотрели – тебя нет. Бегом к остановке. Там тоже нема. – Геннадий смущался, боясь проговориться и обидеть парня. – Мы из первого выхода вывалили, против дверей сидели.

– Ну вот, а я, дурак, ко второму сначала кинулся. Ну и что?

– Пришлось мне проводить твою подругу.

– Ну а потом? – Виктор замялся. – Ну, в общем, неважно. Ты лучше скажи, как тебе Вера? Классная девчонка, правда?

– Мне-то что, – Геннадий усмехнулся, – твой выбор, а не мой. Ты не обижайся, знаешь, как я к девушкам отношусь. Все они мартышки бесхвостые, как и моя была.

Виктор хотел было возразить, но не стал, рьяно принялся работать. Завидует Геннадий, вот и все. Вера девушка что надо. Скромная и правдивая. Сразу сказала, что у неё была школьная любовь, парень на три года её старше. После армии женился на другой. Ну и что, если была любовь. У него тоже была любовь к однокласснице. Любил её, правда, без взаимности, почти заочно. Она давно замужем за вполне взрослым дядькой, дочку родила. Нет, Вера отличная девушка!

Виктор, подтянувшись за строп к коньку, переставил крюк, продолжая работу, и неотрывно думал о Вере, с которой вчера не смог поговорить после кино. Она должна прийти, и он много-много ей скажет хорошего, хотя, по правде говоря, толком не знал, что скажет.

Взглянув на видимый участок улицы, Виктор увидел мелькнувшую фигурку в светлом плаще и белую лохматую причёску. Проклятая близорукость! Виктор передвинулся чуть назад, ослабив натяжение стропа. Девушка уже переходила дорогу, и Виктор, не совсем уверенный, что это Вера, его Вера, крикнул:

– Вера-а!

В тот же момент левая нога его скользнула вниз по скату крыши, а резко рывком натянувшийся строп сорвал крюк с конька. Виктор начал падать на куст сирени, пытаясь в полете развернуться со спины на живот, подставить руки навстречу зелёной массе листьев. Это ему почти удалось – в доли секунды мозг фиксировал всё до мелочей, и в голове

его вертелось одно: «Удачно, удачно...» Тонкие ветви кроны, ломаясь, замедляли падение, но полусухой сук под ними зацепил ноги Виктора, и его кинуло головой в землю...

* * *

После обеда в конторе РСУ царил невероятная суматоха. Василий Артемьевич, приехавший с места работы, в комнате мастеров писал объяснительную записку. Мать Виктора, зарёванная и уже в порядочном подпитии, взяв служебную полуторку, поехала забирать из морга тело сына домой. В комнату мастеров несколько раз заходил директор, принёс журнал по технике безопасности, срочно заполненный за последние три месяца. Подсунув раскрытый журнал Рябоволу, бубнил, прося расписаться. Тому было всё равно, только одно мельтешило в голове: «Недосмотрел... И высоты боялся. И зрение совсем слабое».

Недосмотрел... Страшно болела, просто раскалывалась, голова, и кололо в груди. Заветная бутылочка осталась там, в вагончике, вместе с сумкой. Надо домой. Сразу, как придёт, стакан вина выпьет и пройдёт эта боль в голове. Выпьет и ляжет, отлежится, как обычно, завтра будет готов к труду и обороне... Боль, однако, сильнее, чем всегда, и какое-то сонное состояние, как в тумане нечётко всё вокруг. Жаль, что сумка осталась в вагончике...

– Вася, что с тобой? – Лена помогла снять куртку, подвела

к креслу. Анечка с криком «Деда пришёл!» – выбежала из большой комнаты.

– Нaley там... – Василий Артемьевич вяло махнул рукой, и Лена подала ему полный стакан домашнего вина. Отпив половину, Василий отдал стакан.

– лягу я... Голова кружится... что-то...

– Может врача вызвать? – Лена с испугом смотрела на Василия Артёмьевича, лицо которого необычно резко покраснело после выпитого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.